

Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 4 (12). С. 32–45.
Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics. 2022. Issue 4 (12). P. 32–45.

Научная статья

УДК 327.5: 93/94 (410+470+581)

<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-4-32-45>

ПУБЛИКАЦИЯ ПЛАНА ПОХОДА В ИНДИЮ А. Н. КУРОПАТКИНА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРОДВИЖЕНИЯ ВОЕННЫХ РЕФОРМ ЛОРДА КИТЧЕНЕРА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

**Александр Борисович
Арбеков**

Тульский государственный музей оружия,
Тула, Россия,
arbakoff-alex@ya.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматривается эпизод информационного противостояния Великобритании и России на фоне Русско-японской войны 1904 – 1905 годов, во время которой в британской прессе был опубликован секретный план похода в Индию генерала Алексея Николаевича Куропаткина. Издание данного документа получило широкий общественный резонанс.

Основой для настоящего исследования послужил широкий спектр исторических источников, а именно: 1) материалы британской периодики за июль 1904 года как центральных издательств, так и провинциальных; 2) делопроизводственные документы Военно-статистического отдела Управления второго генерал-квартирмейстера российского Главного штаба, который занимался курированием деятельности российских военных агентов за рубежом, из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА); 3) отчеты и аналитические записки Военного министерства и Генерального штаба Великобритании, вице-короля Индии Джорджа Натаниэля Кёрзона из оцифрованных фондов Национальных архивов Великобритании (The National Archives, Kew), Британской библиотеки (British Library) и Национального архива Индии (National Archive of India).

В ходе настоящего исследования была изучена военно-политическая обстановка, сложившаяся накануне и во время Русско-японской войны 1904 – 1905 годов, при которой состоялась провокационная публикация плана похода в Индию генерала А. Н. Куропаткина на страницах британской периодики. В результате была установлена прямая взаимосвязь между данной публикацией и планируемыми масштабными военными преобразованиями в Индии. Это позволяет сделать обоснованное предположение о том, что тиражирование плана похода в Индию преследовало конкретные военно-политические цели и послужило инструментом продвижения военных реформ лорда Китченера.

Ключевые слова: Большая игра, Российская империя, Британская империя, военная разведка, военно-стратегическое планирование, Русско-японская война, Главный штаб, военные игры, информационная война.

Для цитирования: Арбеков А. Б. Публикация плана похода в Индию А. Н. Куропаткина как инструмент продвижения военных реформ лорда Китченера в начале XX века // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2022. Вып. 4 (12). С. 32–45. <https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-4-32-45>

Сведения об авторе: А. Б. Арбеков – кандидат исторических наук, научный сотрудник, Тульский государственный музей оружия, 300002, Россия, Тульская область, г. Тула, ул. Октябрьская, 2.

Scientific Article
UDC 327.5: 93/94 (410+470+581)
<https://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-4-32-45>

PUBLICATION OF THE PLAN OF INVASION IN INDIA BY A. N. KUROPATKIN AS A TOOL FOR PROMOTING LORD KITCHENER'S MILITARY REFORMS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Alexander B. Arbekov

Tula State Arms Museum,
Tula, Russia,
arbekoff-alex@ya.ru

Abstract. This article discusses the episode of the information warfare between Great Britain and Russia against the background of the Russo-Japanese War of 1904 – 1905, during which the British press published the secret plan of invasion in India by General Alexei Nikolaevich Kuropatkin. The publication of this document received a wide public response.

The basis for this study was a wide range of historical sources: 1) materials from British periodicals for July 1904, both central and provincial publishers; 2) records of the Military Statistical Department of the Office of the Second Quartermaster General of the Russian General Staff, which supervised the activities of Russian military agents abroad, from the funds of the Russian State Archive of Military History (RGVIA); 3) reports and analytical notes of the War Office and the General Staff of Great Britain, Viceroy of India George Nathaniel Curzon from the digitized collections of the National Archives of Great Britain (The National Archives, Kew), the British Library (British Library) and the National Archives of India (National Archive of India).

In the course of this study, the military-political situation that developed on the eve and during the Russo-Japanese War of 1904 – 1905 was studied, during which the provocative publication of the plan of invasion in India by General A. N. Kuropatkin on the pages of British periodicals. As a result, a direct relationship was established between this publication and the planned large-scale military reforms in India. This allows us to make a reasonable assumption that the reproduction of the plan of invasion in India pursued specific military-political goals and served as a powerful tool for promoting Lord Kitchener's military reforms.

Keywords: The Great Game, Russian Empire, British Empire, military intelligence, military-strategic planning, the Russo-Japanese War, General Staff, war games, information warfare.

For citation: Arbekov, AB 2022, 'Publication of the plan of invasion in India by A.N. Kuropatkin as a tool for promoting Lord Kitchener's military reforms at the beginning of the XX century', *Tula Scientific Bulletin. History. Linguistics*, issue 4 (12), pp. 32–45, <http://doi.org/10.22405/2712-8407-2022-4-32-45> (in Russ.)

Information about the Author: *Alexander B. Arbekov* – PhD in History, Researcher, Tula State Arms Museum, 2 st. Oktyabrskaya, Tula, 300002, Russia.

Введение

К XXI в. информационная война стала одним из ключевых компонентов внутренней и внешней политики всех крупных государств, без которого трудно сегодня представить освещение различных международных событий. Применение средств массовых коммуникаций позволяет правительству каждой страны мобилизовывать общественное мнение с целью реализации конкретных программ, например, в области военного строительства или для дискредитации действий своего внешнеполитического оппонента.

Яркой иллюстрацией подобного информационного противостояния следует считать публикацию плана похода в Индию генерала Алексея Николаевича Куропаткина во время Русско-японской войны 1904 – 1905 гг. на страницах британской газеты «Дэйли Экспресс» (Daily Express). Как известно, указанные темпоральные рамки характеризуются масштабным российско-британским соперничеством в ходе т.н. «Большой игры», которая охватывала огромные просторы Центральной и Восточной Азии [2; 4; 9; 10; 17; 20].

Упоминание об этом эпизоде представлено в статье Н. Н. Лисицыной, посвященной деятельности российской военной разведки в Лондоне, однако автор ограничилась цитированием краткого комментария отечественного «дипломата в погонах» в Лондоне генерал-майора Николая Сергеевича Ермолова по поводу публикации плана Куропаткина в британской прессе [6]. Поэтому в настоящей статье ставится задача изучить предпосылки, причины и обстоятельства тиражирования данного документа в британской периодике во время Русско-японской войны.

Результаты

После восшествия на престол императора Николая II в 1894 г. происходит постепенная переориентация стратегических интересов России на Дальний Восток. Британский военный атташе в Петербурге подполковник У. Уотерс в записке от 13 октября 1896 г. попытался контурно очертить ключевые направления внешней политики империи Романовых. По его мнению, Россия стремилась: 1) обеспечить неограниченный проход русским военным кораблям из Черного моря в Средиземное, закрыв при этом Босфор для иностранных, прежде всего британских, боевых судов; 2) обеспечить надежную защиту своей западной границы; 3) расширить сферы влияния в Азии [11, р. 305]. В первом случае, согласно выводам британского военного атташе, Россия была «еще недостаточно сильна на море, чтобы иметь хорошие шансы на осуществление такого плана». Во втором, как указывал подполковник Уотерс, российские военные приготовления иллюстрировали «общую политическую ситуацию и бесспорно доказывают, что Военное министерство в Петербурге в конечном счете мало полагается на мирные гарантии Австрии или Германии», поэтому работы по укреплению западной границы «были и остаются непрекращающимися» [11, р. 306]. Одновременно Николай II стремился заполучить незамерзающий порт в открытом море и для решения этой задачи планировал усилить российские позиции в Центральной Азии и на Дальнем Востоке, где соперниками империи Романовых выступали Великобритания и Япония. Резюмируя свои наблюдения, подполковник Уотерс писал, что Россия на данном историческом этапе имела в своем распоряжении ресурсы для решения только одной из трех внешнеполитических задач, и по его заключениям в первую очередь «этот вопрос касается Восточной Азии» [11, р. 307].

Молодой царь, как и многие его современники, находился под сильным влиянием идей «маринизма», в связи с чем Николай II стремился создать из владений России на Дальнем Востоке колониальную империю – «Русскую Индию» – с выходом в открытый океан [9, с. 243]. Для этого было необходимо дальнейшее распространение военного и экономического влияния Петербурга на северо-восточные районы Китая,

где также сосредотачивались интересы Лондона и Токио. 22 мая (3 июня) 1896 г. российское правительство в рамках секретного договора с Пекином добилось права на строительство Транссибирской магистрали до Владивостока через китайскую провинцию Хэйлунцзян в Маньчжурии [1, с. 84]. Спустя два года, воспользовавшись ситуацией с занятием германскими войсками китайского порта Циндао на Шаньдунском полуострове, 15 (27 марта) 1898 г. Россия подписала договор с Цинской империей об аренде Порт-Артура и Квантунской области на 25 лет. Также Петербург получал права на возведение Южно-Маньчжурской железной дороги с целью соединения новой военно-морской базы со своими главными коммуникационными линиями на Дальнем Востоке – Китайско-Восточной железной дорогой и Транссибом [1, с. 94].

Вполне закономерно, что интенсификация российской политики в северо-восточной Азии вызывала серьезные опасения у политических и военных кругов Соединенного королевства, которые связывали эти действия с угрозой британскому господству в Индии. Довольно содержательное резюме подобных настроений, царивших в политическом истеблишменте Великобритании, изложил в одном из донесений российский военный агент в Лондоне Н. С. Ермолов: «Англия в Азии будет делать то, что клонится, близко ли, далеко ли, к обладанию Индией и к закрытию доступов к ней – на Тихом океане, и в Средней Азии, и в Малой Азии, и на восточном берегу Африки...» [8, л. 40–40/об.]. Стоит отметить, что некоторые военные эксперты в Лондоне полагали, что увеличение российского военного и экономического присутствия в Маньчжурии шло на руку Великобритании, поскольку это снижало активность империи Романовых в Афганистане, Персии и Турции [9, с. 240]. Однако такие прогнозы не отражали в полной мере действительность.

Наряду с продвижением на Дальнем Востоке российское правительство продолжало активно развивать военную инфраструктуру в Средней Азии, а Военное министерство разрабатывать проекты боевых действий на случай обострения отношений с Великобританией [2, с. 329–350]. В апреле 1897 г. начались работы по протяжению Закаспийской железной дороги от Мерва к крепости Кушка, находившейся на границе с Афганистаном [13, р. 27]. В 1900 г. она была введена в эксплуатацию [2, с. 334]. Военный атташе британского посольства в Петербурге подполковник Ч. Бересфорд констатировал, что «Россия никогда еще не была в столь выгодном положении, как сейчас, чтобы действовать быстро и эффективно в случае, если у нее имеются виды на территории своих южных соседей (Афганистана и Персии. – А. А.)» [28, р. 55].

Также в 1900 г. было санкционировано строительство железнодорожной линии Оренбург–Ташкент, которая давала возможность быстрее передислоцировать войска из Европейской части России в Туркестан. По подсчетам британских военных экспертов, прежний маршрут через Каспийское море и Среднеазиатскую железную дорогу позволял достигнуть Мерва из Москвы за 11 дней, новая магистраль сокращала путь до 7 дней [13, р. 32]. Соответственно, завершение строительства транспортной артерии Оренбург–Ташкент (состоялось в начале 1905 г.) кардинально меняло расклад сил между двумя империями в случае эскалации вооруженного конфликта в Центральной Азии. В этой ситуации Великобритания начинает постепенный выход из «блестящей изоляции» с целью поиска надежного союзника для противодействия российским планам на Востоке.

После подавления Боксерского восстания в Китае (1900 – 1901 гг.) российские войска временно оккупировали Маньчжурию, что привело к обострению отношений со Страной восходящего солнца. После провала переговоров с Петербургом о разделе сфер влияния в Корее и Маньчжурии Токио заключает с Лондоном 30 января 1902 г. военный союз, направленный против России и Франции. Он подразумевал возможность оказания прямой военной помощи в случае вмешательства третьей стороны в

потенциальный вооруженный конфликт на Дальнем Востоке между противоборствующими державами. Поэтому британские военные специалисты еще до начала русско-японского столкновения рассматривали различные варианты совместных действий с империей микадо против России. Как писал историк Дж. Гуч, в интересах Лондона было сделать все возможное, «чтобы Россия не раздавила Японию» [14, р. 174].

В понедельник 11 июля 1904 г. в разгар Русско-японской войны редакция «Дэйли Экспресс» разместила на страницах своего издания текст плана похода в Индию генерала А.Н. Куропаткина, возглавлявшего в это время Маньчжурскую армию. Публикация секретного проекта вторжения в Индостан естественно не осталась без пристального внимания российской военной разведки. Военный агент в Лондоне генерал-майор Н. С. Ермолов докладывал в Петербург, что сама газета «Дэйли Экспресс» «ничтожна» и резонанс, вызванный ею, не имел значительного влияния на общественное мнение Туманного Альбиона [7, л. 85]. Однако российский «дипломат в погонах», как нам представляется, в своих отчетах пытался представить желаемое за действительное. В течение следующей недели эта публикация произвела эффект «разорвавшейся бомбы» и была широко растиражирована как в центральных британских изданиях, например «Сэнт Джеймс Газет» (St. James's Gazette) [24], являвшейся фактически рупором британского правительства, и «Иллюстриейтед Лондон Ньюз» (Illustrated London News) [16], так и в провинциальной прессе [22; 23]. План похода в Индию генерала Куропаткина оказался и на первых страницах американской газеты «Нью-Йорк Таймс» (New York Times) [15].

Опубликованный документ представляет собой дословную копию секретного проекта, попавшего в распоряжение британских военных структур в середине 1886 г. В течение февраля – июня 1885 г. Главный штаб российской армии на фоне эскалации Пендинского кризиса занимался последовательной разработкой плана военных операций против союзных Великобритании и Афганистана. В его основу легли инициативы, разработанные в штабах военно-окружного командования на Кавказе и в Туркестане [3]. Итоговый вариант проекта 7 (19) июня 1885 составил генерал-майор А. Н. Куропаткин, служивший при начальнике Главного штаба генерале Н. Н. Обручеве [2, с. 329–332; 4, с. 106–114].

Однако, как указывает исследователь М. К. Басханов, в распоряжении британских военных структур оказался документ сильно отличный от варианта, составленного собственно генералом Куропаткиным [4, с. 114–118]. Главные расхождения заключались в масштабах предстоявших операций, которые планировалось осуществлять не только на территории Афганистана, но и охватить ими южные регионы Персии, в частности Хорасан, а также Кашмир и Кашгарию. «Британский вариант» плана Куропаткина вкратце содержал следующие основные положения: русские войска общей численностью 115 тыс. чел., разделенные на две армии, базируясь в Туркестане и Закаспийской области, на первом этапе кампании должны были захватить весь северный Афганистан от Герата до Бадахшана. За этим следовала двухлетняя пауза, в ходе которой российское командование стремилось полностью подчинить занятый ранее регион и тем самым сформировать мощный плацдарм для дальнейших наступательных действий. Затем планировалось предпринять вторую кампанию двумя колоннами с целью занять Кандагар и Кабул, и оттуда начать вторжение в Индию через Боланский и Хайберский перевалы [4, с. 116; 9, с. 200; 23; 24; 25, р. 4–7].

Строго говоря, если первоначальный план Куропаткина подразумевал конкретно войну с Великобританией на территории преимущественно северного Афганистана, то опубликованный в британской прессе вариант уже представлял собой широкую программу инкорпорации Афганистана и сопредельных с ним территорий в состав России с перспективой захвата Индии в качестве конечной цели экспансии империи Романовых в регионе.

На фальсификацию документа указывают сразу несколько обстоятельств. Во-первых, в российских архивах на сегодняшний день не удалось обнаружить документ, составленный за период с июня по 1885 г. по июнь 1886 г., имеющий аналогичную текстуальную композицию с соответствующим фактическим наполнением. Во-вторых, в британских архивах представлено несколько различных датировок британского плана Куропаткина: первая – 18 (30) января 1886 г. [25, р. 7], а вторая – 18 – 30 июня 1886 г. [4, с. 114]. В последнем случае дата является анахронизмом, поскольку при таких условиях проект похода в Индию был составлен в более поздний срок нежели само послание британского дипломатического представителя в Тегеране сэра А. Николсона от 3 июня 1886 г., в котором и содержалась переведенная на английский язык копия данного документа [25, р. 4].

Несмотря на это обстоятельство, подлинность «британского варианта» плана Куропаткина не подвергалась сомнению военным командованием как в метрополии, так и в Индии вплоть до конца XIX в., так как данный документ выступал одним из ключевых компонентов планирования стратегии Соединенного королевства против России [4, с. 115]. Одновременно он являлся и камнем преткновения среди высшего военного командования Великобритании.

На основании плана похода в Индию генерала Куропаткина военные стратеги в Симле составляли проекты ответных действий в Центральной Азии, имевших преимущественно наступательный характер [26]. В то же время на берегах Темзы подвергали критике подобные замыслы и использовали добытый документ для аргументации отсутствия реальных предпосылок увеличения войскового контингента в Индии и, как следствие, адаптации британского военного механизма под логику континентальной стратегической доктрины [4, с. 103–104]. Военные круги в Лондоне считали, что эффективная оборона Индии должна проходить не столько по сухопутной границе с Афганистаном, сколько по Черноморскому побережью российской империи. Общая теоретическая основа этой концепции заключалась в «отсечении» основного плацдарма империи Романовых для движения в Индию – Закаспийской области – от главного источника военных ресурсов для выполнения этой задачи – Кавказа [18; 29, р. 59]. К началу XX в. победа в этой идеологической конфронтации осталась за «индоцентристами», но в то же время «британский вариант» плана Куропаткина устарел в качестве документа, от которого следовало отталкиваться при планировании ответных действий в случае войны с Россией в Центральной Азии.

Важно подчеркнуть, что в публикациях британской прессы фактически происходила персонификация угрозы Британской империи и ее «главной жемчужине» – Индии – в лице генерала Куропаткина, командовавшего российскими войсками против Японии. Отсюда следовал очевидный посыл, что если империя микадо рухнет, то именно Индия станет следующей целью «Русского медведя» на Востоке. Поэтому с точки зрения британской военной пропаганды следовало поддерживать Страну восходящего солнца не только словами, но и армией и флотом Соединенного королевства. Подобным образом население Британской империи готовили к возможности вступления «мастерской мира» в войну на стороне Японии. Данной точки зрения придерживался российский военный агент в Лондоне генерал-майор Н. С. Ермолов, он считал, что публикация плана похода в Индию состоялась не иначе как «для обострения отношений» между Россией и Великобританией [7, л. 85].

Стоит отметить, что военное вмешательство со стороны британской метрополии в это время было маловероятным. После тяжелой второй Англо-бурской войны (1899 – 1902 гг.) сухопутные вооруженные силы Британской империи и система высшего управления ими находились в процессе структурной реорганизации. Для этой цели была сформирована Особая комиссия под председательством лорда Эшера, которая разработала программу реформы Военного министерства. Предлагалось по

аналогии с Адмиралтейством учредить высший военно-административный орган – Совет армии (Army Council) во главе с гражданской должностью Военного министра. При этом упразднился пост Верховного главнокомандующего и вместо Департамента военной разведки и мобилизации создавался Генеральный штаб, начальник которого являлся вторым после Военного министра лицом в Совете армии. В его подчинении также находились: 1) директор управления военными операциями, ответственный за оперативное и стратегическое планирование; 2) директор штабной службы; 3) директор подготовки войск [7, л. 38]. В то же время начальник Генерального штаба и директор управления военными операциями входили в состав Комитета имперской обороны.

Наряду с этим Военный министр юнионистского правительства Х. Арнольд-Форстер в начале 1904 г. предложил провести коренную реформу по переустройству сухопутных вооруженных сил Великобритании. Согласно данной программе, следовало упразднить прежнюю систему попарно связанных батальонов, принятую в 1872 г.: она выстраивалась на принципе баланса и предполагала, что одна половина британских войск, находившихся на действующей службе, размещалась в мирное время в метрополии, другая – в колониях. Вместо этого Х. Арнольд-Форстер намеревался создать фактически две отдельные армии – домашнюю и колониальную, имевшие разные сроки службы – 3 и 9 лет соответственно. При этом домашняя армия предназначалась строго для обороны метрополии, а колониальная могла задействоваться как для защиты имперских владений, так и в качестве главной ударной силы при организации заморских военных экспедиций. Данная инициатива подверглась резкой критике в юнионистском кабинете А. Бальфура и в конечном счете армейская реформа Арнольда-Форстера не получила практического воплощения [30, р. 202–203]. Поэтому, согласно выводам российского военного агента в Лондоне Н. С. Ермолова, британская военная система к началу Русско-японской войны находилась в «хаосе» и в случае обострения отношений с Россией не была способна подготовить для заморской экспедиции более 45 тыс. чел. при 147 орудиях [7, л. 18]. Однако эти силы можно было направить в Индию, где местные войска могли предпринять более активные действия.

Примечательно, что британские газеты наряду с проектом вторжения в пределы Индостана тиражировали и информацию о предстоявших тогда масштабных реформах англо-индийской армии, проходивших под строгим надзором Горация Герберта Китченера, виконта Хартумского и Трансваальского, триумфатора реконквисты Судана (1896 – 1898 гг.) и второй Англо-бурской войны (1899 – 1902 гг.). Первой данную информацию опубликовала та же газета «Дэйли Экспресс» 12 июля – на следующий день после выхода в свет номера с планом похода в Индию генерала Куропаткина [7, л. 85]. Впоследствии по аналогичному алгоритму эти сведения стали появляться и на страницах других периодических изданий Великобритании [22; 23]. Некоторые газеты прямо противопоставляли друг другу замыслы генерала Куропаткина и главнокомандующего армией в Индии, сопровождая информационные блоки подобными заголовками: «“Шах и мат”. Планы Китченера остановить Россию» [23].

Как писал британский историк Т. Хиткоут, реформы лорда Китченера преследовали цель преобразовать местные войска, выполнявшие, преимущественно, полицейские функции, в регулярную армию современного типа «для защиты Индии, а не для ее оккупации», как это было раньше [30, р. 378]. Генерал-майор Н. С. Ермолов также сообщал с берегов Темзы, что структурные преобразования, предлагаемые генералом Г. Китченером, стремились реализовать «стратегическую идею, чего почти не было до сих пор, так как войска (англо-индийские. – А. А.) были разбросаны по территории Индии без большого отношения к железнодорожным сообщениям» и

находились в «зависимости только от целей поддержания внутреннего политического порядка» [7, л. 166; 5, с. 155].

По мнению главнокомандующего войсками в Индии, местная армия к началу XX в. требовалась главным образом для защиты страны от вторжения с северо-запада, то есть от России. Поэтому штабом лорда Китченера было предложено придать всем войскам единую штатно-организационную структуру в мирное и военное время для операций на северо-западной границе Индии или за ее пределами. При реализации этой затеи предполагалось распределить имеющиеся воинские части на постоянные бригады и дивизии, чтобы при необходимости в кратчайшие сроки их мобилизовать и сосредоточить на Кабульском и Кандагарском операционных направлениях [30, р. 378–379]. Для этого все войска, по замыслу Китченера, следовало расположить в мирное время вдоль двух главных железнодорожных магистралей Индии – северной и южной. Северная магистраль включала станции: Калькута – Лакнау – Мирут – Лахор – Равал-Пинди – Пешавар; южная: Мадрас – Бангалор – Белгаум – Пуна – Бомбей – Мхоу – Гайдерабад – Суккур – Кветта. Подобная симметричная дислокация войск позволяла при мобилизации увеличивать по экспоненте как «снежный ком» численность полевой армии по мере ее приближения к границе Афганистана. В результате реформ Китченера к 1909 г. полевая англо-индийская армия должна была состоять из 9 дивизий и 8 кавалерийских бригад общей численностью 130,600 чел. при 318 орудиях и 300 пулеметах [5, с. 155–156].

Однако военные реформы в Индии требовали огромных финансовых средств, на выделение которых традиционно как правительство в метрополии, так и на местах было очень скупо. Как следствие, военные круги, находившиеся в строгом подчинении у гражданской колониальной администрации, были вынуждены серьезно исхитряться, чтобы обосновать перед правящей элитой необходимость неотложного финансирования армейских реформ.

Одним из инструментов подобного давления на британское правительство, помимо публикации плана похода в Индию генерала Куропаткина, стала большая стратегическая военная игра, которая была проведена штабом лорда Китченера в Симле летом 1903 г. Стоит заметить, что взгляды виконта Хартумского и Трансваальского на навязчивую «русскую угрозу» во многом сходились с апокалиптическим видением генерала Ч. Макгрегора, который изложил свою интерпретацию этой проблемы в нашумевшем труде «Оборона Индии» в 1884 г. [4, с. 87–100; 29]. Но если автор знаменитой «Библии русофобов» лишь описал катастрофические сценарии возможного исхода российско-британского конфликта при пассивной обороне «главной жемчужины», то лорд Китченер решил воспроизвести их на практике.

Военные игры, в упрощенной интерпретации, это форма тактической и оперативной подготовки командного состава, позволявшая на картах моделировать сценарии возможных столкновений с противником на различных театрах боевых действий. Такой подход давал возможность «протестировать» разработанные ранее планы мобилизации и развертывания собственных вооруженных сил относительно аналогичных мероприятий со стороны потенциального неприятеля.

Стратегическая военная игра, проведенная в Симле в 1903 г., моделировала сценарий, при котором мог развиваться российско-британский вооруженный конфликт на территории Афганистана. По ее легенде, программа военных реформ лорда Китченера была успешно завершена, в результате создавались девять дивизий Индийской армии, изменены места их постоянной дислокации в мирное время для более быстрого развертывания на границе с Афганистаном в случае войны с Россией, а также значительно модернизирована уже существующая военная инфраструктура в регионе. Империя Романовых, в свою очередь, за счет сравнительно развитой железнодо-

рожной сети в Средней Азии, опираясь на крепость Термез, беспрепятственно осуществляла концентрацию 60 тыс. чел. на реке Амударья для вторжения в афганские владения с целью занять Мазари-и-Шариф, Таш-Курган и Бамиан, чтобы далее, минуя перевалы Гиндукуша, направиться к Кабулу. Со стороны Закаспийской области в пределах крепости Кушка собиралось еще 40 тыс. чел. для движения на Герат и Кандагар. В это же время из России, благодаря железной дороге Оренбург–Ташкент и двум веткам, протянутым от нее к Кушке и Термезу, направлялись подкрепления численностью до 200 тыс. чел. для поддержки наступления на обоих направлениях, сохраняя в резерве еще 100 тыс.

В задачи британской стороны входило занятие Кандагара и Кабула, а также соединяющей их коммуникационной линии через город Газни, чтобы остановить дальнейшее продвижение российских войск. Однако местная полевая армия начинала мобилизацию только после получения первых известий о вторжении передовых российских подразделений в афганские пределы, что заочно создавало прецедент упреждения англо-индийских сил при стратегическом развертывании. Отдельные части полевой армии, разделенные на два отряда, каждый в составе одной дивизии и кавалерийской бригады, достигали окрестностей Кандагара и Джелалабада только спустя месяц после начала вторжения российских войск. При этом легенда игры подразумевала, что Великобритания одновременно будет вынуждена вести войну с Францией и поэтому не способна осуществлять поддержку Индии, вынужденной в борьбе с Россией полагаться только на свои военные ресурсы [27, р. 1–3].

Учитывая такие вводные, неудивительно, что результаты стратегической военной игры, проведенной штабом лорда Китченера, были удручающими. Полковник Уильям Робертсон (впоследствии фельдмаршал, баронет), занимавшийся разбором 200-страничных записей занятий в Симле, в мемуарах отмечал, что «в этом воображаемом наступлении русские войска переходили от одного успеха к другому с поразительной быстротой и полностью низвергали существовавшие планы обороны Индии» [21, р. 136]. По легенде, военное столкновение продолжалось девять месяцев с мая 1903 г. по январь 1904 г. Несмотря на частные успехи, англо-индийские войска к декабрю уступали российской армии практически все важные стратегические позиции на коммуникационной оси Кандагар–Кабул, а к январю были вынуждены отступить и к реке Инд, ожидая дальнейшего наступления «Русского медведя» в пределы Индостана по двум направлениям со стороны Хайберского и Боланского перевала. На этом игра заканчивалась [27, р. 2–6].

Итоги стратегической военной игры, проведенной в Симле, закономерно подверглись Генеральным штабом и Комитетом имперской обороны в Лондоне аргументированной критике за нереалистичный сценарий, при котором будут разворачиваться военные действия в контексте приготовлений обеих сторон к конфликту [14, р. 212–219]. Комментируя ход занятий в Симле, полковник У. Робертсон впоследствии описывал как ему приходилось объяснять кабинету министров, «что военная игра – совсем не то же самое, что война, и что некоторые сделанные в игре допущения совершенно несостоятельны» [21, р. 136]. Сам генерал Г. Китчинер признавался в частной беседе вице-королю Индии Дж. Керзону, что заранее ожидал подобной реакции из метрополии, поскольку «Кригшпиль (Kriegspiel) был нарочно составлен так, чтобы в каждом аспекте Россия имела преимущества» [12, f. 73]. Поэтому ключевой задачей стратегической военной игры в Симле была не проверка актуальных планов обороны Индии, а агитация правительства А. Бальфура к проведению реформы англо-индийской армии и дальнейшей переориентации военной стратегии Соединенного королевства на центральноазиатский плацдарм.

Для достижения поставленной цели лорд Китченер также использовал сведения об интенсификации российской военной активности в Центральной Азии на фоне

эскалации конфликта на Дальнем Востоке. 18 января 1904 г. подполковник Г. Нэпьер, военный атташе британского посольства в Петербурге, сообщил в Лондон о подготовке планов мобилизации российских войск для наступательных действий против Афганистана [19, f. 34]. К марту того же года он дополнил свои сведения информацией о намерении российского правительства уже к июлю открыть железнодорожную ветку Оренбург–Ташкент [12, f. 30]. На основании этих данных лорд Китченер запрашивал подкрепления в 150 тыс. чел. из метрополии сразу после объявления войны, хотя планы британского командования в Лондоне подразумевали передислокацию войск частями – 30 тыс. по объявлению войны и еще 70 тыс. спустя полгода с момента начала боевых действий [7, л. 191/об.; 14, pp. 199–206]. Правительство А. Бальфура могло удовлетворить запросы главнокомандующего в Индии только за счет передислокации войск, находившихся на действующей службе в самой Великобритании, поскольку армейский резерв после Англо-бурской войны был серьезно истощен – в нем состояли всего 66 тыс. чел. [12, f. 30]. При этом планы, разрабатываемые в Комитете имперской обороны, подразумевали коалиционную войну с российско-французским альянсом, в рамках которой войска метрополии, помимо обязательства защищать Индию, должны были обеспечить безопасность Туманного Альбиона от возможного французского десанта, и только после достижения полного господства на морском пространстве могли употребляться для других военных целей за рубежом [12, f. 33]. Поэтому в Генеральном штабе Великобритании стали пристально изучать достоверность получаемых из разных источников сведений.

Директор управления военными операциями генерал-майор Дж. Грирсон в заметке от 30 мая 1904 г. сделал правильный вывод, что на практике военная активность России в Центральной Азии имела демонстративный характер и была призвана оказывать давление на Великобританию, «если она задумает интервенцию в пользу Японии в случае окончательного поражения последней», или отвлечь ее внимание, если в Петербурге «захотят послать военные корабли через Дарданеллы» [19, f. 49–50]. В этой связи он считал нецелесообразным отвечать на чрезмерные запросы лорда Китченера о передислокации всех имеющихся войск из метрополии в Индию.

Отчеты Генерального штаба о природе российской военной активности в Центральной Азии и дебаты в Комитете имперской обороны по поводу запроса о подкреплениях лорда Китченера пришлось примерно на одно время вместе с выпуском в свет плана похода в Индию генерала Куропаткина. В первом случае отчет был готов к 30 мая 1904 г., а издание номера «Дэйли Экспресс» с соответствующим содержанием, как упоминалось ранее, произошло 11 июля того же года.

Сразу после тиражирования этих сведений в британской прессе генерал-майор Н.С. Ермолов отправил ее копию в Военно-статистический отдел Управления второго генерал-квартирмейстера российского Главного штаба. Сам же «дипломат в погонах» попытался выяснить источник сей провокационной публикации.

Первое предположение генерал-майора Н. С. Ермолова касалось причастности к изданию плана похода в Индию японского представительства в Лондоне, преследовавшего, по его мнению, цель всколыхнуть британскую общественность и тем самым склонить юнионистский кабинет А. Бальфура к военному вмешательству в русско-японский конфликт [7, л. 89]. Вскоре данную гипотезу в частной беседе с генерал-майором Ермоловым развеял высокопоставленный британский офицер генерал Г. (вероятнее всего Дж. Грирсон), являвшийся одним из заседателей Комитета имперской обороны и директором управления военными операциями в Генеральном штабе Великобритании. В ходе этой беседы генерал Грирсон пояснил, что, действительно, в «Дэйли Экспресс» был напечатан план генерала Куропаткина, который раздобыла британская разведка 18 лет назад. Однако к 1904 г. британское правительство уже перестало им руководствоваться «для составления своих соображений» относительно

обороны Индии. Поэтому военные реформы лорда Китченера не были инспирированы, опубликованным в «Дэйли Экспресс» планом генерала Куропаткина, как то полагал генерал Ермолов [7, л. 89 об.]. При этом, отвечая на вопрос российского военного атташе «как британская газета раздобыла данный документ», Гирсон отметил, что «с нашими английскими порядками или беспорядками, тут нет ничего удивительного» [7, л. 90]. По его мнению, украсть копию плана похода в Индию мог кто-то из секретарей в правительстве или журналист «ради сенсации и для лучшей продажи газеты» [7, л. 90 об.].

Одновременно специалисты российского Главного штаба занимались сравнительным анализом текста опубликованного документа на страницах «Дэйли Экспресс» с секретной запиской генерала А. Н. Куропаткина, составленной им в разгар Пендинского кризиса весной – летом 1885 года. По итогам этих изысканий генерал-майор В. П. Целебровский, курировавший деятельность российской военной разведки, в своем докладе сделал однозначный вывод, что растиражированный проект похода в Индию представлял собой «вымысел, основанный на знании, что генералом Куропаткиным когда-то составлен план какого-то наступления в Афганистан» [7, л. 87 об.]. При этом им особо выделялись ключевые отличия между документами: «во-первых, наши соображения (имеется ввиду Куропаткина. – А. А.) дальше занятия Герата и вообще северного Афганистана не идут; во-вторых, наш взгляд на отношение к нам туземного населения Индии далеко не отличается таким оптимизмом, который приписывается нам газетой: в своем докладе генерал Куропаткин категорически заявляет, что самое большее, на что мы может рассчитывать, это на пассивно-выжидательное настроение населения; наконец, как на частности, можно указать на разницу наименований колонн по нашему плану и по плану, приводимому газетой “Daily Express”... в последнем нет ни слова о постройке железных дорог для организации подвоза и дальнейшего движения внутрь страны (Афганистана. – А. А.), без чего, по словам доклада генерала Куропаткина, немыслимо и думать о дальнейшем наступлении» [7, л. 87–87 об.]. Таким образом, опираясь на аргументированные заключения генерал-майора В.П. Целебровского, гипотезу историка М. К. Басханова о фальсификации «британского варианта» плана индийского похода генерала Куропаткина следует считать доказанной.

Исходя из изложенного выше можно сделать вывод, что все эти события являлись звеньями одной цепи и, так или иначе, отражали, во-первых, интриги лорда Китченера, склонного к подобным сложным манипуляциям [10, с. 126–131], во-вторых, реальные опасения со стороны политического истеблишмента Соединенного королевства относительно печальных перспектив возможного вооруженного столкновения двух великих держав на Среднем Востоке. Результаты «Кригшпиля» и широко растиражированный британской прессой план похода в Индию естественным образом подталкивали действующее юнионистское правительство А. Бальфура к более решительной политике по отношению к России и к интенсификации военных преобразований как в самой метрополии, так и в Индии. Полковник У. Робертсон в мемуарах отмечал, что военная игра в Симле «во многом способствовала достижению истинной цели лорда Китченера, которая заключалась в том, чтобы получить скорейшую санкцию на реформы, им продвигавшихся» [21, р. 136]. Впоследствии генерал-майор Н. С. Ермолов также констатировал, что виконт Хартумский и Трансваальский приобрел «все большее и большее» влияние на действующее правительство, что позволило инициировать программу, разработанных его штабом реформ англо-индийской армии [7, л. 191]. Если к моменту назначения генерала Китченера на должность главнокомандующего войсками в Индии в 1902 г. местные военные расходы составляли 17,6 млн ф. ст. в год, то, начиная с 1903 г., смета постоянно увеличивалась и за период 1904–1908 гг. стабильно держалась на отметке 19–20 млн ф. ст. [5, с. 191].

Выводы

Из изложенного выше следует констатировать, что публикация поддельного плана похода в Индию генерала А. Н. Куропаткина в разгар Русско-японской войны могла быть осуществлена как жадным до сенсаций журналистом, так и ближайшим окружением лорда Китченера, который нередко использовал свой авторитет в прессе, чтобы достигать собственных амбициозных целей. Тем не менее педалирование угрозы в форме плана индийского похода генерала Куропаткина прямо или косвенно, но действительно поспособствовало принятию масштабных военно-организационных мер, призванных повысить обороноспособность Индии от навязчивой «русской угрозы».

Список источников и литературы

1. *Айрапетов О. Р.* История внешней политики Российской империи, 1801 – 1914. В 4 т. Т. 4: Внешняя политика императора Николая II, 1894 – 1914. М.: Кучково поле, 2018. 768 с.
2. *Алпеев О. Е.* «Священный огонь» русского Генерального штаба. Планирование «похода в Индию» военным ведомством России, 1885 – 1914 гг. // Русский сборник: исследования по истории России XIX-XX вв. Т. 26: Россия и война : междунар. науч. сб. в честь 75-летия Брюса Меннинга. М.: Модест Колеров, 2018. С. 320–387.
3. *Арбеков А. Б.* Генерал Н. Н. Обручев и подготовка России к войне в Афганистане в 1885 году // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 6. С. 1–11. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/06/Arbekov.pdf> (дата обращения: 01.09.2022).
4. *Басханов М. К.* Гератский кризис 1885 г. и борьба идей вокруг стратегии упреждения в Средней Азии: Куропаткин против Маргегора // Мир политики и социологии. 2018. № 12. С. 86–126.
5. Вооруженные силы Британской империи : (по данным к 1 января 1911 года) / Гл. упр. Ген. штаба. СПб.: Изд. Отдела Генерал-квартирмейстера, 1911. 211 с.
6. *Лисицына Н. Н.* Русские военные агенты в Лондоне в конце XIX – начале XX века: взгляд на Восток // Клио. 2005. № 1 (28). С. 161–166.
7. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 4. Д. 283.
8. РГВИА. Ф. 431. Оп. 1. Д. 59.
9. *Сергеев Е. Ю.* Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2012. 453 с.
10. *Сергеев Е. Ю.* Джордж Натаниэль Кёрзон – последний рыцарь Британской империи. М.: Т-во науч. изд. КМК, 2015. 294 с.
11. British Documents on Foreign Affairs: Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part 1: From the Midnineteenth Century to the First World War. Series A: Russia, 1859–1914. Vol. 2: Russia, 1881–1905 / ed. by D. Lieven. [Washington], 1983. 425 p.
12. British Library: African and Asian Studies (BLAAS). Curzon's papers. Mss Eur F 111/163.
13. BLAAS. Curzon's papers. Mss Eur F 111/388.
14. Gooch J. The Plans of War. The General Staff and British Military Strategy c. 1900–1916. London, 1974. 364 p.
15. If Russia Invades India // New York Times. 1904. 11 July.
16. Illustrated London News. 1904. 16 July.
17. *Johnson R.* Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947. London, 2006. 320 p.
18. National Archive of India (NAI). Military Miscellaneous : November 1890, No. 154 (Military operations in the event of war with Russia).
19. NAI. Foreign Department. No. 42–109 (Precis of correspondence on the subject of the movements of Russian troops on Afghan frontier ; Major-General J.M. Grierson Note on reported Russian Activity in Central Asia, 30 May 1904).
20. *Nielsen K.* Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894 – 1917. Oxford, 1995. 408 p.
21. *Robertson W. R.* From Private to Field Marshal. London, 1921. 396 p.

22. Russia's Designs on India // Sheffield Daily Telegraph. 1904. 12 July.
23. Russian Plans to Invade India // Chard and Ilminster News. 1904. 16 July.
24. Russian Plans to Seize India // St. James's Gazette. 1904. 11 July.
25. The National Archives, Kew (TNA). Public Records Office. Cabinet Office (CAB) 37/18/56 (General Kouropatkin's Plan for an Advance on India, 18 (30) January 1886).
26. TNA. CAB 38/1/6 (Report of Indian Mobilization Committee, 3 October 1887).
27. TNA. CAB 38/5/43 (Observations on the Records of a War Game played at Simla, 1903, 5 May 1904).
28. TNA. Public Records Office: Foreign Office, Confidential Print Persia (Iran) 416/2 (Sir C. Scott to Marquess Salisbury, 7 February 1900).
29. TNA. Public Records Office: War Office 33/43/1885/990 (Colonel A.S. Cameron Precis on the Defence of India by Major-General sir C.M. Macgregor, March 1885).
30. The Oxford History of the British Army. Oxford, 2003. 485 p.

References

1. Ajrapetov, OR 2018, *The History of the Foreign Policy of the Russian Empire, 1801 – 1914. In 4 vols. 4: The Foreign Policy of Emperor Nicholas II, 1894–1914* (Vneshnyaya politika Rossijskoj imperii, T. 4, 1894–1914.), Kuchkovo pole, Moskva.
2. Alpeev O.E. «Svyashchennyj ogon'» russkogo General'nogo shtaba. Planirovanie «pohoda v Indiju» voennym vedomstvom Rossii, 1885 – 1914 gg. // *Russkij sbornik. Rossiya i vojna: mezhdunarodnyj nauchnyj sbornik v chest' 75-letija Bryusa Menninga, T. 26*, (“Sacred Fire” of the Russian General Staff. Planning of a “campaign to India” by the Russian military department, 1885–1914 // Russian digest. Russia and War: International Scientific Digest in Honor of Bruce Manning's 75th Anniversary, Vol. 26), 2018, s. 320–387
3. Arbekov A.B. *General N.N. Obruchev i podgotovka Rossii k vojne v Afganistane v 1885 godu* // *Gumanitarnyj nauchnyj vestnik* (General N.N. Obruchev and the preparation of Russia for the war in Afghanistan in 1885 // Humanitarian Scientific Bulletin), № 6, 2022, s. 1–11. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/06/Arbekov.pdf>
4. Baskhanov M.K. *Geratskij krizis 1885 g. i bor'ba idej vokrug strategii uprezhdeniya v Srednej Azii: Kuropatkin protiv Magregora* // *Mir politiki i sociologii* (Herat Crisis of 1885 and the Struggle of Ideas around the Strategy of pre-emption in Central Asia: Kuropatkin against Magregore // The World of Politics and Sociology), № 12, 2018, s. 86–126
5. *Vooruzhennye sily Britanskoj imperii. Sankt-Peterburg* (Military Forces of the British Empire. Saint-Petersburg), 1911, 211 s.
6. Lisicyna N.N. *Russkie voennye agenty v Londone v konce XIX – nachale XX veka: vzglyad na Vostok* (Russian military agents in London at the end of the 19th – beginning of the 20th century: a view at the East) // *Klio*, № 1 (28), 2005, s. 161–166
7. *Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv* (Russian State Archive of Military History (further RGVIA)). Fund. 400. Inventory. 4. File. 283
8. RGVIA. Fund. 431. Inventory. 1. File. 59
9. Sergeev E.YU. *Bol'shaya igra, 1856 – 1907: mify i realii rossijsko-britanskih otnoshenij v Central'noj i Vostochnoj Azii. Moskva* (The Great Game, 1856–1907: Russo-British Relations in Central and East Asia. Moscow), 2012, 454 c.
10. Sergeev E.YU. *Dzhordzh Nataniel' Kyorzon – poslednij rycar' Britanskoj imperii. Moskva* (George Nathaniel Curzon – The Last Knight of the British Empire. Moscow), 2015, 294 s.
11. *British Documents on Foreign Affairs: Repots and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part I. Series A. Vol. 2, Russia, 1880 – 1914.* Washington, 425 p.
12. *British Library: African and Asian Studies (BLAAS), Curzon's papers, Mss Eur F 111/163*
13. *BLAAS, Curzon's papers, Mss Eur F 111/388*
14. Gooch J. *The Plans of War. The General Staff and British Military Strategy c. 1900–1916.* London, 1974, 364 p.
15. *If Russia Invades India* // *New York Times*, 11 July 1904
16. *Illustrated London News*, 16 July 1904
17. Johnson R. *Spying for Empire: The Great Game in Central and South Asia, 1757–1947.* London, 2006, 320 p.

18. National Archive of India (NAI), Military Miscellaneous, November 1890, No. 154, Military operations in the event of war with Russia
19. NAI, Foreign Department, No. 42–109, Precis of correspondence on the subject of the movements of Russian troops on Afghan frontier; Major-General J.M. Grierson Note on reported Russian Activity in Central Asia, 30 May 1904
20. Nielsen K. Britain and the Last Tsar: British Policy and Russia, 1894 –1917. Oxford, 1995, 408 p.
21. Robertson W.R. From Private to Field Marshal. London, 1921, 396 p.
22. Russia's Designs on India // Sheffield Daily Telegraph, 12 July 1904
23. Russian Plans to Invade India // Chard and Ilminster News, 16 July 1904
24. Russian Plans to Seize India // St. James's Gazette, 11 July 1904
25. The National Archives, Kew (TNA), Public Records Office: Cabinet Office (CAB) 37/18/56, General Kouropatkin's Plan for an Advance on India, 18 (30) January 1886
26. TNA, CAB 38/1/6, Report of Indian Mobilization Committee, 3 October 1887
27. TNA, CAB 38/5/43, Observations on the Records of a War Game played at Simla, 1903, 5 May 1904
28. TNA, Public Records Office: Foreign Office, Confidential Print Persia (Iran) 416/2, Sir C. Scott to Marquess Salisbury, 7 February 1900
29. TNA, Public Records Office: War Office 33/43/1885/990, Colonel A.S. Cameron Precis on the Defence of India by Major-General sir C. M. Macgregor, March 1885
30. The Oxford History of the British Army. Oxford, 2003, 485 p.

Статья поступила в редакцию: 28.11.2022
Одобрена после рецензирования: 23.12.2022
Принята к публикации: 27.12.2022

The article was submitted: 28.11.2022
Approved after reviewing: 23.12.2022
Accepted for publication: 27.12.2022